

Письмо москвича, очевидца события 1812 года.

Милостивый Государь

Иванъ Николаевичъ!

Радуюсь отъ всего и чистаго и нелицемѣрнаго сердца, что Всемогущій васъ сохранилъ и сохраняетъ отъ всякаго зла преходяща. Возвратись, такъ сказать, изъ изгнанія, изъ постыднаго, неожиданнаго плѣну, утѣшительно слышать, что наши родные были щасливѣе, спокойнѣе, довольнѣе насъ своею судьбою. Вы упрекаете меня нѣкоторымъ образомъ за мою непредвидѣнность будущаго—подъ именемъ— съ позволенія доложить—вздора. Но я вамъ отвѣчаю: Единый Богъ предвѣсуещъ; но ни сіятельные, ни превосходительные не могутъ ручаться за щастіе медика и воина. Самые непріатели сознаются въ непреодолимой храбрости войскъ нашихъ, дивятся ихъ мужеству, любви къ отечеству; но не имъ довлѣетъ проникать въ причины, по которымъ жители нашей столицы разбрѣлись и разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Нещастіе велико; потеря стоитъ дорого; но я все стою твердо въ томъ: „что въ самомъ крайнешъ бѣдствіи довѣренность къ начальству спасительна, что ежели бы я въ тысячу разъ претерпѣлъ болѣе, то все восхищаться не перестану, представляя себѣ: что Отечество мое спасено! Вы вскорѣ увѣритесь, что я говорю правду. Обширна, богата была Москва; но Москва не есть цѣлая Россія. Кажется, что Провидѣнію благоугодно показалось пожурить насъ за нашу приверженность къ отчизнѣ и доказать намъ, что народъ, столько лѣтъ нами безразсудно боготворимый, очень, очень далекъ отъ просвѣщенія, благонравія, воинскихъ доблестей и чистой совѣсти прямаго Россіянина. Будучи ежедневно между и около враговъ нашихъ могъ я удобно сравнивать характеръ ихъ и нашихъ; у нихъ злодѣй, варваръ, убійца безъ причины; у насъ злодѣецъ вины, добродушному, кроткому гостепріимство. Я самъ былъ свидѣтелемъ, сколь сострадательны были наши мужички, когда голодной, по 14, 15 и 16 дней не видавшей сухаря и картофеля Французъ просилъ учтиво себѣ пропитанія у нихъ; самъ видѣлъ, какъ отважно мстили они безчеловѣчнѣе грабителямъ. При моихъ глазахъ зарыто нѣсколько франц. труповъ въ землѣ, или затоплено въ болотѣ. Короче: я желаю, чтобы имя Француза въ нашемъ отечествѣ было навѣки забыто. Быть можетъ, что и между ими есть добрые люди, по крайней мѣрѣ я не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ презрѣнія къ тѣмъ, коихъ могущество они уже почувствовали, чувствуютъ и будутъ чувствовать. А что они трусы, томуго увѣрить васъ, что 2. 3 козака однимъ слухомъ о своемъ прибытіи, разгоняли большіе отряды конной гвардіи и жандармовъ. При словѣ: Козакъ трепеталъ каждой Парижанинъ. Грубость нижнихъ чиновъ неописанна; подчиненности не бывало; уваженія къ начальству

нѣтъ никакого. Пришли къ Лесепсу жаловаться на грабежи; какъ-де мнѣ одному унять армію; а ее не было и 20,000 чел. Вотъ какъ отвѣчалъ Генераль-Интендантъ, Командующій Москвою и Московскою Провинціею. Этотъ Лесепсъ думалъ, что когда фуражеры осмѣливались выѣзжать индѣ на 15, 20, а индѣ только на 1 и 5 верстъ далѣе заставы; то уже въ его правленіи заключалась вся Московская провинція. Словомъ: глупы и нѣмцы, но такихъ невѣждъ, такихъ варваровъ, неопрятныхъ скотовъ, вы не сыщете и между нашими остяками. Ихъ офицеры не брезговали мѣсить хлѣбы въ томъ корытѣ, въ коемъ только что вымыта была исподница его рядоваго; хотя Рускіе и увѣряли, что корыто погано. Спросите вы о ихъ опрятности и щегольствѣ: —я видѣлъ нѣкоторыхъ, кои не умывали хари своей отъ самаго выхода изъ Парижа. А что отъ нихъ терпятъ ихъ союзники: Нѣмцы, Италіанцы и Поляки, того описать невозможно. Насъ величали они: *les barbares, les diables!* а тѣхъ—проклятая собака! и дразнили или ругали ихъ прямо по собачьи. Бѣдные союзники опасаясь сабли, или нагайки брели, оглядываясь назадъ съ трепетомъ. Нѣмцы и Поляки не получали ни фуражу, ни хлѣба, ни мяса, ни вина; а зажиточнѣйшіе изъ Италіанцовъ должны были платить по талеру на день Императору. Вообще гости Московскіе жили между собою такъ дружно, что ежели рядовой 2-ой роты крадывалъ у офицера 1-ой роты ковшикъ муки, то офицеръ, догнавши рядоваго, разрубалъ ему хрестецъ на двое саблею. Это было на нашей улицѣ. Ежели камраду разрубили пузо на двое, то другой камрадъ искать его неворочался. Это была саранча сама себя пожирающая. Самые Французы упрекали недовольныхъ, что они передъ Можайскомъ кушали вятчину кобылью. Теперь я познакомилъ васъ съ нашими гостями.

Нашъ отъѣздъ изъ Москвы.

Въ послѣднюю среду получено повелѣніе, чтобы намъ за институтами ѣхать въ Казань. Въ четвертокъ я спѣшилъ и проститься съ вами и посоветоваться. Мнѣ встрѣчаются прошедь Меншикову башню Ваши: подхожу поздоровываться — меня не узнаютъ. На вопросъ: куда путь держать: не отвѣчаютъ. Какъ учтивый кавалеръ, ну провожать ихъ или—признаюсь—гнаться за ними. Приходимъ къ Петрову и тамъ ни слова. Вотъ все наше прощанье.—Могу увѣрить васъ, что, Ей Богу, не съ тѣмъ я шель, чтобы увязаться, ѣхать съ вами, а истинно съ тѣмъ, чтобы спросить у васъ: ѣхать въ Казань, или нѣтъ.—Мы ждали прогоновъ отъ Тутольмина; но въ субботу ввечеру получили отказъ. Сказано намъ, что будемъ вознаграждены! Въ воскресенье поутру, имѣя кобылу, жеребенка и нанявши клячонку за 10 ру, потащились до Измайлова. Наша свита состояла изъ 13 человѣкъ. Лизанька, предоставленная Арефью, была послана Любушкою въ мой домъ; а Его Высокоблагородіе—*adieu* въ Нижній! Онъ уговаривалъ всѣхъ, что нѣчего опасаться непріятеля, до тѣхъ поръ, пока не подѣхала къ его воротамъ кибитка. Всѣ ходили на поклонъ къ Богдыхану, кромѣ, разумѣется, меня. Потомъ

Петровъ и Заборовской отправились для покупки лошадей; но это было уже поздно; на нихъ начали вывозить оставшихся раненыхъ въ Москвѣ. Наступилъ 1-ой часъ; но ихъ не бывало; мы призадумались; грабежъ былъ во всей силѣ. Я вышелъ за ворота; мой Ангелъ Хранитель указалъ мнѣ повозку, которую и нанялъ я до Измайлова за 10 ру. Тутъ прибыли наши и привели 2 лѣтняго жеребенка съ телѣгою. Надежда оживилась: двѣ тѣлеги; лошадь, кобыла съ жеребенкомъ. Тутъ составились 2 воза и мы, вооружась, поѣхали въ Измайлово. У Покровскаго мосту встрѣтили около 5000 раненыхъ, кои разбивали кобаки; намъ многіе грозили страшною опасностію; но при помощи Провидѣнія, сжавши сердца, мы поѣхали Семеновскую заставу и съ захожденіемъ солнца вступили въ домъ священника. Отпустя нанятую лошадь, расположились перекусить и уснуть покрѣпче; наши дамы утомились. Но намъ не дали покою — пальба изъ ружей по селу, звѣринцу и приходящіе изъ города въ нашу квартиру знакомые и незнакомые съ полными мѣшками, заряженными ружьями и саблями. Все то, что взяли съ собою, рѣшились оставить на дворѣ на случай опасности. На другой день мои свояки на оставшейся тѣлежкѣ и парѣ рысаковъ—безъ хомутовъ и шоръ—ноѣхали въ городъ. Лишь успѣли купить мяса; то увидѣли скачущихъ черезъ Охотной рядъ козаковъ. Подавай Богъ ноги! и паши воротились въ 3 часа не съ добрыми вѣстями. Народъ бѣжалъ мимо насъ толпами; грабительство производилось и за нами и передъ нами. На одной тѣлежкѣ ѣхать было нѣкуда—и такъ перекрестясь остались въ Измайловѣ. Вечеру видѣли козаковъ, кучу поповъ и много проходящихъ, кои всѣ подтверждали, что непріятель въ 3 часа вошелъ въ городъ, откуда около 4 часовъ слышали выстрѣлы; а въ 6 часовъ возлѣ звѣринца такъ стукнули, что мы присѣли. Поляки сдѣлали кордонъ почти около всей Москвы. Въ этотъ день присталъ къ намъ отставной офицеръ Борзянковъ. Въ самую полночь человекъ 10 раненыхъ начали ломить наши ворота; мы вскочили и рѣшились сражаться. Но его мундиръ защитилъ насъ. Въ эту ночь загорѣлся гостиный дворъ и Смоленская. Поутру около 10 часовъ запылала фабрики около Новой деревни; запылало Покровское и такъ далѣе — около Яузы, Гошпиталя, Ыѣмецк. рынокъ; но въ середу сдѣлался пожаръ всеобщій. Страшное зарево видно за 100 верстъ. Тутъ число пришедшихъ въ нашей квартирѣ умножилось — и мы для безопасности — оба пока—рѣшились стоять на караулѣ. Двѣ ночи проводили въ ужасѣ, смотря на разительную картину пылающей Москвы. Ничто и никогда въ свѣтѣ не представляло такой картины! Вѣтеръ ломилъ нашу хижину. — Въ четвергъ начали въ селѣ появляться фуражеры, по 2, по 3. Крестьяне били ихъ и зарывали. Мы рѣшились переѣхать въ село. Въ пятницу и субботу начали грабить село; но не такъ сильно. Наши дамы забились подъ крышку. Крестьяне разбѣжались и мы въ 28 домахъ остались только одни, да Прокуроръ 8 Департ. Петръ Иван. Дмптріевъ. Между фуражерами были безпардонные — т. е. въ латахъ. Воскре-

сенье прошло для насъ благополучно и мы имѣли случай согласить эскорту французовъ съ крестьянами. Дѣло обошлось безъ ссоры. Но—о ужасный день! Понедѣльникъ—лишь проснулись; застучали въ наши ворота; отняли лошаденокъ и начали грабить насъ нещадно. Офицеръ Борзянковъ нашель случай наканунѣ перебраться въ городъ. Не ожидая великой опасности рано поутру случился я на улицѣ, возвратясь отъ уѣхавшей эскорты. Вдругъ наскакаль на меня Полякъ, приставилъ къ сердцу пистолета и упрекаль меня, будто я кричалъ наканунѣ: ура! и строго спрашиваль: гдѣ ихъ Кирасиры^ (т. е. убитые). Я туда—сюда— смерть передъ глазами! Но, благодаря Господа; не совѣмъ струсилъ и началъ его униженно увѣрять, что не знаю ни — Гура! что не видалъ и Кирасировъ. 25 минутъ шельма ругаль меня и готовъ былъ застрѣлить; но удалось мнѣ отговориться невѣденіемъ и онъ меня оставилъ. Наши дамы видѣли всю эту сцену; а кавалеры—помнится стояли у воротъ. Тутъ, чтобы избавиться сабли и пули, отворили мы ворота и къ намъ начали приходить гости, цо 6, по 5 и по 3 человекъ. Они сдѣлали честь нашимъ сапогамъ, платкамъ, капотамъ, тулупамъ, подтяжкамъ и такъ далѣе. Даже не устыдились искать у насъ серебра и пониже поясицы. Словомъ я надѣлъ лапти и съ дырами сѣрой кафтанъ; Заборовской нарядился не лучше меня; а у Петрова болѣе уцелѣло; потому что и сапоги и другое одѣяніе было имъ не въ пору. Насъ грабили 2 и 4 полку гусары и одинъ—шельма—вѣрно Жидъ—приходилъ по два дни и съ товарищами все у насъ повиытаскаль—даже перочинные ножички, бритвы, съ рукъ кольца; нашедши пули бросили намъ съ ругательствомъ въ рожи. Во вторникъ мы сдѣлали изъ остальнаго имущества родъ лавки и предлагали, что имъ нравилось. Это спасало насъ отъ жестокихъ грубостей. Подъ вечеръ пришли трое; я случился на крыльцѣ; двое ухватили меня за руки, а третій развязавши все бывшее на шеѣ, положилъ на нее вострую саблю и требоваль шубъ, серебра, денегъ и проч. Постной видъ, нѣмецкія клятвы и двугривенной избавили меня и отъ сей бѣды. Въ этотъ же день прострѣлили 2 пулями животъ Господину Дмитріеву и онъ на другой день въ Госпиталѣ скончался, оставя 5 дѣтей. Наши дамы все сидѣли закупореные. Хлѣба у насъ не было; и мы купивши ржи посылали молоть ее въ полночь. Все—до послѣдняго зерна было вырываемо. Мужикъ одинъ показываль. Въ среду поймавши' курицу—задумали мы спозаранку сварить супъ. Приходятъ 6 чел. Трое цолѣзли въ печь; трое пошли грабить и были столь жестоки, что начинали саблями разводить доски на томъ потолкѣ, надъ коимъ сидѣли наши дамы. 'Ввшіе супъ начали поприсматриваться къ нашимъ дѣвушкамъ, шутить—но мнѣ удалось и тѣхъ и другихъ избавить отъ опасности. Евшіе супъ стали наконецъ увѣрять грабившихъ, что у Русскихъ избъ не дѣлается ходу на чердакъ, хотя послѣдніе и начинали теребить солому и ломать крышку. Слава Богу! Они насъ съ покоемъ оставили и мы заключеннымъ подали супу. Видимая опасность, особливо появленіе пьяныхъ Фраицузовъ,

разбивших пивоварню Брыкина, наконец сострадание одного из неприятелей, которой совѣтовалъ мнѣ итти къ Дивизионному Генералу и просить пощады — вложили въ меня мысль рѣшиться и итти въ лагерь къ неприятелю. Жалѣющихъ, спасибо, было немного и я въ 3 часа послѣ обѣда пустился на волю Божью. Дорогою увидѣлъ я вдалекѣ нашихъ грабителей и разсудилъ итти въ городъ. Былъ у 2 или 3 Генераловъ; но ихъ не нашель дома. Наконецъ прибрель къ маршалу Мортѣе и его адъютантъ велѣлъ мнѣ итти къ коменданту Мило; тамъ нашель я Виллерса Полицмейстера Французскаго; я его знавалъ и онъ мнѣ черезъ 1 /2 часа далъ Цертификатъ, въ коемъ было прописано: по указу де Императора оный коммендантъ повелѣваетъ всѣмъ Фрацузскимъ войскамъ Асс. Сокольскому и его фамиліи отдавать надлежащій респекъ и хранить его собственность. Поутру прибиль я къ воротамъ копию съ цертификата и заложилъ оныя бревномъ; бросились опять грабить; но увидя бумагу—иные проходили мимо, иные жестоко ругали, а неумѣвшіе читать грозили саблею и пистолетомъ въ окошки, отъ коихъ я не отходилъ многіе дни: какъ скоро, говорилъ я, оемѣлиться кто ломать ворота, то я имѣю приказаніе отъ ком. Мило прямо репортовать къ Дивизион. Ген. Баурману (когого я и въ глаза не видывалъ). Въ пятницу Петровъ отправился съ письмомъ къ Виллерсу, коего я просилъ, чтобы очистили половину моего дому отъ постоя, что дѣйствительно исполнено черезъ недѣлю; чтобы данъ былъ и Петрову цертификатъ. Въ тотъ же четвергъ разломали заднія ворота; но и тамъ удалось мнѣ увѣрить и отогнать. Такимъ образомъ жили въ великой опасности до 16 числа сент. Цертификаты вездѣ рвали; коменданта ругали; жены наши по прежнему подъ крышкою пребывали; но мы вообще большой опасности не видали и спокойнѣе прежняго спали. Съ 16 на 17 въ самую полночь отворили у насъ окошко и закричали: вы горите! Я почти два мѣсяца не раздѣвался, выбѣжавъ увидѣлъ, что дѣйствительно 4 дома пылають вдругъ на той улицѣ, гдѣ мы жили. Лошадей не было; какая худая тѣлежонка попалась намъ; ну ее починивать и выбираться. Лишь успѣли вынести что подлѣ насъ было, какъ вдругъ являются безпардонные. Прощай все!— но и тутъ самъ Богъ удержалъ ихъ руки отъ грабительства, и они спрашивали меня, кто зажегъ? Зажгли сами. Въ 2. 1/2 часа притащились опять ко священнику, которой, не могши всего перенести, вынесенъ былъ мертвой въ церкву, лежавши непогребенный 4 или 5 дней. Здѣсь опять должно было вооружиться новымъ терпѣніемъ, сносить новыя грубости; но для погребенія старика привезенъ попъ изъ запаснаго дворца подѣ Французскимъ карауломъ, которому должно было заплатить; а черезъ нѣсколько дней Петровъ тамъ же выпросилъ лошадей и караулъ, съ коимъ мы и перетацились въ запасной дворецъ. Какъ мы тутъ жили, о томъ перескажу вамъ словесно послѣ. — 7 октября 4 взрывами поднять на воздухъ и сожженъ полевой дворъ; а съ 10 на 11 въ 1. 1/4 пополудни — половина цейхгауза, галлерей съ большими колоколами, въ

двухъ мѣстахъ стѣна и Алексѣевская башня изволили приподняться съ своего мѣста. Отъ перваго взрыва протянуль я и ручки и ножки; а жена моя закудаhtала. Уѣхали непріатели и мы дней черезъ 5 перебрались въ домъ свой. Тутъ является Арефій и умножаетъ наше семейство двумя особами, т. е. Наською и Машкою; первая пожаловала съ шолудями; и въ нашей кухнѣ начали жить 9 или 10 особъ. Къ Арефью Алексѣевичу почтеніе у всѣхъ оказалось велико; но не у меня. И мы послѣ жесточайшей и самой фабричной брани съ Петровымъ разстались. Онъ почелъ меня за бѣглаго рекрута и сильными доводами доказаль, что онъ въ тысячу разъ достойнѣе и умнѣе меня. Всѣ этому апплодировали и я грѣшной прожилъ 5 дней въ банѣ. О какъ жестоки чувства въ Казенной Палатѣ! Благодарю Бога, что Онъ послалъ мнѣ случай имѣть понятіе о языкахъ. Заговорилъ всѣми глаголами—а то бы Богъ вѣсть что съ нами было.